

С. Н. БУЛГАКОВ

Святой Грааль

(Опыт догматической экзегезы Ин. XIX: 34)

В Евангелии от Иоанна в повествовании о страстях Христовых мы знаем одну черту, которая отсутствует у других евангелистов. Это — рассказ о пребитии голеней у двух разбойников и о пронзении копием ребр Иисусовых: «Один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода — αἷμα καὶ ὕδωρ»¹. <...>

Что знаменуют собой изливавшиеся кровь и вода? *Кровь*, по смыслу таинства Евхаристии, есть связанная с веществом *одушевленность* тела, его живая душа. Она представляет, с одной стороны, седалище духа, есть как бы тело для духа (и в этом смысле кровь Христова соответствует Церкви как телу Его), с другой стороны, она содержит душу тела, живущего по силе воодушевляемости кровию («кровообращение»). Можно сказать, что кровь Христова выражает Его *человечность* («От одной крови Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли» — Д<еяния> А<постолов>. 17: 26), психобиологический ее субстрат. *Вода* же есть первоэлемент мирового вещества, из которого изначально образован мир («...и дух Божий носился над водою» — Быт. 1: 6; «Глас Господень над водами» — Пс. 28: 3), в известном смысле метафизическая первоматерия мира — ὕλη — причем *новая*, обновленная ὕλη есть вода крещальная, Иорданская. Тело Христово, конечно, состояло из тех же частей и тех же элементов, как и человеческое тело вообще, но, если выразить это многообразие в единстве, то таким единящим, всерастворяющим и всеподдерживающим первоэлементом «земли» является «вода», из которой и возникла «твердь»*. Единство крови и воды выражает, таким образом, полноту человечности как соединение душевного, животворящего, кровяного начала и животворимого, пассивного, вещественного. Это есть *живая телесность*, которая выделилась из оставленного духом тела Христова на кресте. <...>

* Этому соответствует и образ «стеклянного моря» (Апокалипсис, 15: 2), на котором стоят победившие зверя и образ его.

Рана копием, вместо пребития голеней, есть завершение спасительной жертвы Христовой во искупление человеческого рода. Этой водой и кровию омывается человеческий грех и создается новозаветная Церковь с ее благодатными таинственными дарами, крещальной водой и евхаристической кровию. Из ребра ветхого Адама была создана прельстившая его на падение жена. Но рана, нанесенная человечеству ребром Адамовым, исцеляется раною от прободения копием тела Иисусова. Кровь и вода, изливавшиеся в мир, в нем пребывают. Они освящают этот мир как залог его грядущего преображения. Чрез эти бесценные струи крови Христовой и воды, излившейся из боку Его, освятилось все творение: и земля, и небо, наш земной мир и все звездные миры. Образ св. Грааля, хранящего св. Кровь Христову², выражает именно ту идею, что хотя Господь вознесся в честной плоти Своей на небо, однако в крови и воде, изливавшихся из ребра Его, мир принял Его святую реликвию, и чаша Грааля есть ее киворий³ и рака. И весь мир есть эта чаша св. Грааля. Он недоступен поклонению, по святости своей он сокрыт в мире от мира. Однако он существует в нем как невидимая сила, и он становится видимым, является чистым сердцам, того достойным. Это и есть божественное видение, воплощенное в легенде о Граале. Если св. Грааль и есть евхаристическая чаша (согласно легенде), то кровь, в нем содержащаяся, не есть Евхаристия, ибо св. Грааль дан не для причащения верных, но для освящения и преображения мира. <...>

<...> Кровь и вода, изливавшиеся из ребра и пребывающие в мире, суть залог и сила этого пребывания Христа с Его человечеством, знаменующие — во исполнение Его же собственного свидетельства в вопросах Страшного Суда, что Он сам живет в страждущем человечестве. *Воскресение*, во славе Вознесение из мира и одесную Отца седение соединяется и с пребыванием в мире до скончания века и со-страданием человечеству также до скончания века: «Когда же все покорит Ему, тогда и сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1 Кор. 15: 28).

Но кровь и вода, человеческая жизнь Христова пребывает в Его человечестве не только как со-страждущая любовь, но и как *сила* Христова с ее действенностью в человеческой истории, строящаяся в видимом «невидимая церковь»: св. Грааль человеческой общности. Сила Христова действует в мире силою Пятидесятницы: Дух Св. являет Христа, живущего в человечестве благодатно. Но сила Христова пребывает в человечестве и *природно*, имманентно, самым фактом боговоплощения, чрез восприятие Им человеческой природы и пребывание в мире этой человечности в излившейся крови и воде Христовых. Если после пришествия Христова в мир «умер великий Пан» и вся природа изменилась, приобщившись человечества Христова, то изменилась и сама человечность,

именно в природности своей. Она получила новые силы, новые импульсы к устройению Царствия Божия не только внутри нас, но и в нас, среди нас, $\epsilon\upsilon\tau\omicron\varsigma$ $\eta\mu\acute{\omega}\nu$, и притом *все* человечество, как принадлежащее, так и не принадлежащее в сознании (но как-то уже принадлежащее *in re*⁴ к Церкви. В человечестве загорается идея общечеловеческого свершения, «общего дела»*, «прогресса», града Божия на земле, который отнюдь не находится в противоречии идее Небесного Иерусалима, напротив, есть для него земное «место», исторический коррелат для эсхатологии. Это есть идея, предвозвещенная пророками и возвещенная Тайновидцем о 1000-летнем царстве Христовом на земле⁵. Не нужно смущаться кажущимся натурализмом этой идеи**, ибо он присущ самому учению о боговоплощении, о принятии Христом человеческой природы вообще, об ее оздоровлении и восстановлении. Полнота боговоплощения включает в себя действительность его и в природе (как это свидетельствуется чудесами Христовыми и ответными движениями природного мира: Вифлеемская звезда, затмение солнца и тьма в час распятия, землетрясение и пр.). Совершенно нельзя допустить, чтобы и природа человеческая как таковая осталась глуха и безучастна к факту ее восприятия Богочеловеком. И если мы беспрекословно принимаем это действие его по отношению ко всей внечеловеческой природе в ее демонизме и основанном на нем язычестве («идолы бо, не терпяще Твоея крепости, падоша»⁷), то должны принять это и относительно человеческой природы. Последняя оздоровляется боговоплощением изнутри, органически, как бы новым ее творением, которое раскроется в силе и славе своей под «новым небом» на «новой земле». Кровь и вода из боку Христова в мире есть *скрепа* мира, его нерушимость. Ложным является натурализм *язычествующий, противопоставляющий* себя христианству и тем самым становящийся антихристианским, но есть и натурализм христианский, неустранимый в самом христианстве. Его отрицание является уже манихейством, там и здесь просачивающимся в псевдохристианских вариантах аскетизма. <...> Человеческую, природную мощь человека, его власть над природой, которую получает он в своей истории силою экзорцизма, совершившегося в боговоплощении, нельзя считать чуждой или даже враждебной христианскому «импульсу» в истории, напротив, и это есть раскрытие человеком человечности своей, которая есть и человеческая природа Христова. Поэтому «регуляция природы», о которой говорит Федоров как о христианском «общем деле», есть дело,

* Эта идея могла бы послужить одним из оснований для федоровского богословия «общего дела», каковое пока отсутствует.

** Подобным натурализмом не отличается ли богословие св. Афанасия с учением о $\phi\acute{\alpha}\rho\mu\alpha\kappa\omicron\nu\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\acute{\alpha}\theta\alpha\nu\alpha\sigma\iota\alpha\varsigma$ ⁶.

хотя само в себе еще не благодатное, но христианское. Она принадлежит к полноте человечества, которое есть человечество Христово, это есть уже сила совершающегося искупления. Конечно, она извращается греховностью человека, но когда эта последняя преодолевается благодатью, то и сама эта регуляция становится делом благодатным, церковным, христианской общественностью. Св. Грааль, кровь и вода, воспринятые и хранимые природой и человечеством в своем лоне, хотя и невидимо и неведомо, есть священный кивот Нового Завета, залог и знамя, освящение нашей человеческой жизни, исполнение нашей человеческой истории. Она является уже не бесплодным и печальным зрелищем победы тьмы и царством антихриста, но исполняется трагического торжества как борьба человечества Христова за эту свою истинную человечность с князем мира сего, духами злобы поднебесной и стихией греха, живущего в тварной человеческой природе. Но это есть не поражение, а победа, не пустота неудачи, а полнота общего дела, земного строительства навстречу небесному. Христос есть Богочеловек, но и *Человеко-бог* (ἄνθρωπο-Θεός), как Он изначально именуется в отеческой письменности). Земная история есть не разложение (как оклеветана она была лжехристианским манихейством), но творчество — участие нашего человечества, которое есть уже Христово человечество, в спасительном богочеловеческом деле. Оно, это творчество, не есть идиллия, но трагедия, ибо оно слишком серьезно, и трудно, и важно, оно есть борьба духовная, но именно потому оно есть радость и торжество — торжество человечности. И то, что символически обозначается в священных книгах как «антихрист» (к появлению которого манихеи сводят единственное содержание человеческой истории), есть только *эпизод* истории, величайшее напряжение этой борьбы, но отнюдь не ее завершение, ибо этим завершением на земле является «первое воскресение» и 1000-летнее царство Христа со святыми. Последующее восстание Гога и Магога (Апок. 20: 7), хотя и количественно обширное, но духовно бессильное, есть последний всплеск трагической волны мировой истории, которая завершается и свершается вторым, славным пришествием Христовым. И вся христианская история есть приготовление к встрече Христа Грядущего, и сила и смысл этого приготовления, как и его пределы, раскрываются для нас и в самом историческом процессе, их осознание есть «общее дело» человечества*.

---

* Эта мысль составляет основной пафос и мудрость философии Федорова: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14: 12–13).

Человечество Христово неделимо разделилось на кресте в излиянии крови и воды, которые остались на земле как святыня всечеловеческого Грааля. Но оно имеет *воссоединиться* в полноту времен, во втором пришествии Христовом, когда упразднится разделение неба и земли, когда земля станет небом, а небо землю, ибо Христос будет жить на ней в человечестве Своем. И тогда, по слову пророчества, приводимому именно здесь еще евангелистом, «воззрят нань, его же прободоша» (Ин. 19: 37 — Зах. 12: 10). Воззрят — и в Нем узнают себя, а в себе узнают Его, в своей жизни, в своем делании, в сокровенном ведении св. Грааля и служении ему. И поклонятся Ему, который неразделенно будет с ними. «И Дух и Невеста говорят: прииди. И слышавший да скажет: прииди. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Апок. 22: 17, 20).

